

Шахиня искусства / научно-фантастический повесть

Category: Kitarcy, Mistika we fantastika

написано kitarcy | 22 января, 2025

Шахиня искусства / научно-фантастический повесть ШАХИНЯ ИСКУССТВА

Солнце перевалило за полдень, когда в знойном мареве встали сияющие минареты и дворцы старинной столицы Хорезма.

Они словно парили в воздухе – изумительно стройные, легкие, невесомые. То было волшебное видение, город из восточной сказки. Да, он был лучше, гораздо лучше, чем рисовался в моем ограниченном воображении. Ничего не скажешь: эти парни из Академии архитектуры Востока не, зря едят свой хлеб. Как и мой друг Мухтар, один из инициаторов возрождения былой красоты Куня-Ургенча.

Поскольку в Куня-Ургенч я попал впервые, пришлось изрядно поработать языком, спрашивая людей о местонахождении института, где подвизался Мухтар. Центр оказался на окраине Куня-Ургенча, в густом парке, в котором тихо шелестели водометы и сонно дремали финиковые пальмы – северный вид, выведенный ботаниками к столетию Октября.

Я остановился, любуясь зданием, похожим на дворец какого-нибудь сельджукского султана. У входа на скамье сидела миловидная девушка в белом.

– Где тут Институт реанимации? – спросил я.

– Он перед вами, – удивленно сказала девушка, едва взглянув на приезжего чудака.

– Мне бы Мухтара.

Она широко раскрыла красивые карие глаза.

– Доктора Рахманова?

По интонации, с какой она произнесла это, я понял: Мухтар для нее не просто «доктор Рахманов».

Улыбнувшись мне, она встала: – Идемте. Он на месте.

Миновав длинный коридор, мы свернули налево, в полукруглый

зал. Девушка показала на тисненную золотом табличку «Главный врач» и, еще раз пристально взглянув на меня, ушла.

Я приблизился к двери с табличкой, постучал.

– Войдите, войдите! – отозвался знакомый голос.

Я. бесшумно открыл дверь.

Сидя за столом в углу просторной комнаты, Мухтар, не поднимая головы, копался в грудe микролент.

– Разрешите? – Тут он вскинул глаза – и взвился над столом. Свалив по пути несколько книг, бросился ко мне.

– Так это ты? ! Эх, забери тебя шайтан! .. – Мухтар обнял меня, похлопал по спине.

Пока мы здоровались и расспрашивали друг друга, я незаметно разглядывал друга и был неприятно поражен: раньше его пышущее здоровьем лицо напоминало румяный гранат, а теперь казалось болезненным. Широкий лоб, преждевременные морщины под глазами делали Мухтара похожим на старого ученого.

И я припомнил разговоры московских коллег о том, что «Рахманов ведет новую линию в реанимационной биологии и сколотил группу талантливых энтузиастов». Потом я подумал, что много сил отнимает у Мухтара и его вторая страсть – искусствоведение.

Имея в виду мои видеописьма, где я высказывал желание лично ознакомиться с красотами возрожденного Хорезма X-XI веков, Мухтар спросил:

– Прибыл перелистать странички истории, так, что ли?

– Ты угадал, яшули, – усмехнулся я.

– Надолго?

– Месяц-полтора, не больше.

– Жаль, что мало, – вздохнул он. – Будешь жить у меня, друг историк.

– Согласен и благодарю. .. А как у тебя дела?

– Все о'кэй, – невесело пошутил Мухтар. – Все по-старому.

– Неправда. Ты кое-что скрыл. Например, ты нашел невесту.

– Кто сказал? – Мухтар отвел взгляд.

– Она сама.

– Смотри-ка, да ты прямо сыщик. От тебя ничто не ускользнуло.

Он рассмеялся. На мгновение его выразительные глаза оживились.

Тут без стука вошла Айсенем с кипой микролент в руках.

– Это мой друг, – ласково сказал ей Мухтар. – Но я вижу, вы успели познакомиться. – Лукавый взгляд в мою сторону. – Оказывается, он все выпытал.

Айсенем чуть зарделась от смущения.

– Я ничего не говорила, – возразила она с милой улыбкой.

– Этот человек умеет понимать и несказанное. – Мухтар подмигнул мне. Айсенем молча прошла к столу и, свалив на него ворох микролент, ушла.

Я горячо пожал Мухтару руку.

– Поздравляю! Очень хорошая девушка.

– Хорошая-то хорошая, да немного ревнивая.

– Как так? ! – удивился я.

Мухтар молчал, о чем-то размышляя. Я истолковал это посвоему: Значит, ее подозрения обоснованны?

– Да не совсем. .. – промямлил он.

– Как же тогда понимать тебя?

Мухтар снова промолчал. И я понял: у него есть секрет, который он не хочет открыть.

Вскоре мы пришли к коттеджу Мухтара. Дом стоял на берегу широкой реки – ответвлении Казахской Оби, как назвали географы новый водный поток, повернутый в Закаспий. Вокруг коттеджа был разбит сад. На газонах рдели экзотические цветы.

– А вот там, – и Мухтар показал на уютный домик, ослепительно белый на фоне леса, росшего в излучине реки, – живет Айсенем.

– Выходит, невеста по соседству? – пошутил я.

Мухтар улыбнулся и нажал кнопку на панели входа. Мягко раздвинулись створки, и мы вошли в холл, затем в большую комнату, Из которой еще одна дверь вела, очевидно, в смежную.

Я пытался открыть эту дверь, но она не поддавалась. Автоматика, что ли, заблокирована?

– А ну открывай, Сезам, – обратился я к Мухтару. Тот выжидательно наблюдал за моими действиями. – Или там у тебя ханская казна?

Мухтар принужденно усмехнулся:

– Пошли-ка лучше на кухню. Вместе плов сварим.

«Все ясно, друг Мухтар, – подумал я. – Ты что-то скрываешь».

Придя в кухню, мы принялись за дело. Я начал чистить овощи, а

Мухтар рубить баранину. Спустя несколько времени я с наигранной обидой сказал:

– Говорят, у настоящих друзей нет секретов друг от друга.

А ты что-то скрываешь, верно?

Тонем, каким успокаивают малое дитя, Мухтар ответил: – Никакой особенной тайны нет. Есть проблема, над которой потею не один год.

– Что за проблема?

– Характер проблемы определяют результаты, – уклончиво сказал Мухтар. Они еще неясны. .. В общем, за дверью – моя личная лаборатория. Конечно, я оборудовал ее с разрешения ученого совета. Так надо было.

Я был крайне удивлен.

– Ну что ж. .. Если так, я рад. И все же, надеюсь, ты скажешь мне.

– В любознательности ты перещеголял даже Айсенем, – улыбнулся Мухтар.

– А что. .. она тоже?

– Надоедала похуже тебя. Я ведь говорил, что она ревнива? .. В одну из ночей она пришла ко мне – как раз в момент «экспериментум круцис» [Решающий опыт (латин.).]. Автомат двери, как всегда, был заблокирован мною. Когда я приоткрыл створку – Айсенем едва не прошмыгнула у меня под рукой. Пришлось остановить. .. Она возмутилась: – Что там у тебя? Я хочу взглянуть!

– Да ничего интересного.

– Так ли, милый? Тогда, открой.

– Нет, дорогая Айсенем.

– Очень прошу, не сердись на меня. Там лишь приборы. И больше ничего.

– Которые нельзя показать любимой девушке? – насмешливо протянула Айсенем, – Ложь! .. – И ее карие глаза засверкали гневом. – Кого ты скрываешь здесь?

От ее кулачков, которыми она яростно колотила в дверь, коттедж заходил ходуном.

– Ах, даже так? – сказал я. – Не пустил невесту? ! Ну, знаешь.

..

– Да разве женщины способны хранить секреты? – Мухтар сделал вид, что страшно рассердился.

И я оставил его в покое.

Плов сварился, мы накрыли круглый столик в большой комнате и с аппетитом поели.

Когда я убирал посуду, мой взгляд упал на дутар, прислоненный к этажерке с книгами. Я взял инструмент и протянул его Мухтару:

– Ну-ка, друг, сыграй что-нибудь из того, что исполнял в студенческие годы.

Мухтар как-то по-особенному взглянул на меня: – Лучше я сыграю мелодию, которую ты никогда не слышал.

Он настроил дутар и начал играть. Сперва мелодия звучала глуховато. Потом, набирая темп, стала разливаться полноводной рекой. Журчащие потоки звуков хватили меня за сердце, а порой ласково-печально омывали его. Минорный оттенок мелодии нарастал, ширился, зазвенели тоска и плач, безысходная грусть.

..

Они рождали во мне волну новых, неизведанных ранее эмоций.

Мухтар с закрытыми глазами раскачивался в такт мелодии, словно заклинатель духов. Его пальцы мелькали с неуловимой быстротой, свидетельствуя о незаурядном мастерстве исполнителя. Все мощнее, полновочнее лилась мелодия. .. Не помню, сколько она длилась, – я забыл все на свете. И даже не заметил, как умолкли струны.

– Замечательная музыка! – сказал я, с трудом вернувшись к реальности. – Кто ее написал? У кого ты научился?

Мухтар неопределенно усмехнулся:

– У одного здешнего аксакала. Это старинная мелодия Хорезма. Она звучала еще во времена сельджукских султанов и хорезмшахов. Говорят, она состоит из семидесяти двух мотивов. То, что играл я, – лишь кусочек, дошедший до нас.

Он немного помолчал и вдруг сказал: – Приоткрою тебе кусочек и м о е и тайны. .. Если проблема получит разрешение – могут вновь родиться на свет потерянные мелодии Хорезма.

– Ты меня запутал, – признался я. – По какой же отрасли знания твоя работа? Медицина или музыка?

– Все вместе. .. – тонко улыбнулся Мухтар.

Он встал с диванчика, опять странно поглядел на меня я сказал:

– В общем, слушай. .. Как историк и знаток философии, ты, наверно, согласен с постулатом: «Вещи, вещество не исчезают, а переходят из одной формы в другую».

– Да, примерно так это звучит.

– Однако долой абстрактные дефиниции! Проще говоря, возьмем воду. Ее можно превратить в кислород и водород, то есть перевести в невидимую и неосязаемую руками человека форму. При желании воде можно придать первоначальный вид – жидкого, так сказать, полимера. Физика давно это умеет. .. А я надеюсь, что и биология станет вровень с физикой.

– Утопия! – Я сделал вид, что не поверил.

Мухтар хмыкнул и ушел в лабораторию. Спустя несколько минут он вернулся. В руках он держал полусферический сосуд.

– Эта голубая жидкость оживляет мертвые клетки организма.

– Эликсир жизни, так и не найденный алхимиками? – ввернул я, пытаясь шуткой скрыть смущение.

– Нет, почему же? – холодно отпарировал задетый Мухтар. – Мы назвали ее сигма-полимером. Больше ничего не скажу. Пока достаточно! Иди спать. Я еще поработаю.

И он скрылся за дверью лаборатории. Тихо щелкнуло заблокированное реле автомата. Гм, прямо перед самым моим носом. ..

Следующий день был выходным.

Рано утром Мухтар пригласил в дом Айсенем. Когда я вышел ей навстречу, Мухтар сказал:

– Прошу тебя, Айсенем, сопроводи гостя. Он хочет полюбоваться возрожденным Куня-Ургенчем.

– А разве ты не идешь с нами? !

Он несколько смущенно пробормотал: – Не могу, милая. Много работы. Пойми меня правильно.

Айсенем подозрительно смотрела на него, собираясь что-то сказать, но сдержалась.

– Что ж, я готова, – сухо произнесла девушка.

И мы отправились в путь.

. .. Наконец-то сбылась моя давняя мечта! Вот я стою здесь, и

передо мной всемирно известный Куня-Ургенчский минарет. Или вот изумительный мавзолей Торебег Ханум. Старинные часовни, дворцы, здания, возвращенные из небытия руками зодчих начала XXI века, в торжественном спокойствии окружали просторную площадь. Великолепные орнаменты, украшавшие их, казались мне песней без слов – гимном тем мастерам из народа, которые в глухую пору средневековья сумели создать подобные шедевры. .. Не видно ни конца, ни края этому волшебному городу, где можно без конца любоваться куполами небесно-голубого цвета, переливами красок, впитывать каменную симфонию минаретов и дворцов. Как прекрасен купол Текеш-шаха! А величественный Караван-сарай? В моем сердце медленно поднялась волна чувства, восхищение силой человеческого гения. Почти час простоял я перед минаретом – не мог отвести от него глаз.

– Наверно, самый высокий в Азии? – спросил я Айсенем.

– Во всем мире, – поправила она. – Особенно пришлось потрудиться строителям над его верхней частью. Ведь войска Чингисхана разрушили большую часть вершины.

Помолчав, Айсенем без всякого перехода сказала:

– Мухтар очень странный человек. .. Первые дни, когда он приехал сюда, вообще не выходил из этих мавзолеев и минарета. Можно было подумать, что он стал жертвой каких-то древних чар. Ночами он где-то пропадал. .. я ревновала, – смущенно сказала девушка. – Однажды его не было целые сутки. «Может, заболел?» – подумала я. И пошла к нему домой. Там его не оказалось. Я бросилась на поиски, дала знать сотрудникам института. .. Четыре мини-вертолета искали Мухтара и наконец обнаружили его на окраине зеленого городка Кырк Гыз. Мухтар был без сознания. Много дней пролежал он в больнице – не спадал жар. И что удивительно: к груди он прижимал какой-то прибор с полый трубкой. Никто не мог оторвать его, как ни старались. Очень крепко держал Мухтар. .. Не одну ночь просидела я у изголовья больного. Временами Мухтар бредил: «Найду! Где бы ты ни таилась – найду! .. »

. .. Я с любопытством слушал Айсенем. И вдруг понял: Мухтар тогда отнюдь не бредил!

– На следующий день он пришел в себя, – продолжала Айсенем, – и я спросила: «Что было с тобой?» – «Заблудился в песках», – коротко сказал он. «А как очутился в Кырк Гызе?» Мухтар не ответил. Как бы то ни было, дней через вять он выздоровел и встал на ноги. Однако ночные вылазки не оставил. .. Так прошло еще три года. Ой-ля-ля! – спохватилась Айсенем. Этак мы не вернемся и к полуночи. Идемте дальше.

Мы направились к мавзолею Торебег Ханум. Там, как я знал, были изумительные орнаменты на потолке – один из редчайших образцов искусства средневековья. И я спешил лично убедиться в этом.

Когда мы вступили в мавзолей, послышались звуки дутара.

На мраморной плите, лежавшей в глубине полутемного помещения, сидел старик. Он будто возник передо мной из сказок Шехрезады: высокий, прямой, с лицом отшельника и совершенно белой бородой, закрывавшей грудь. Запрокинув голову к куполу мавзолея и раскачиваясь, он играл на дутаре. На сухом, тонком лице старика застыло блаженное выражение.

И тут меня словно током пронзило: да это же вчерашняя мелодия! Только старик исполнял ее много искуснее Мухтара.

И я понял, у кого мой друг научился играть старинную мелодию Хорезма.

Потом я поднял глаза к куполу – и был сражен. Искусство, с которым неведомый гений орнаментировал свод, казалось невысказанным для простого смертного. Прошло столько веков, а узоры орнамента, похожие на цветущий сад, и поныне сверкали первозданной чистотой и свежестью красок. В них, чудилось мне, живет сокровенная красота женской души, витает сказочная птица безграничной мечты. .. А мелодия словно истекала из лабиринтов орнамента – в поисках нетленной красоты, что жила в ней самой. Мелодия тихо угасла – старик открыл глаза.

Мы почтительно поздоровались с ним. Вежливо ответив на наше приветствие, он сказал с улыбкой:

– Наверно, подумали: вот сумасшедший старик. В полумраке наигрывает самому себе на дутаре.

– Нет, яшули, – с достоинством возразил я. – Гениальная мелодия – а это так! – свидетельствует против вас.

– Спасибо, сынок. Но если бы на моем месте сидел более

искусный музыкант. . .

– О нет, яшули! – твердо сказал я. – Велико и ваше искусство.

– И небо Хорезма свидетель тому, – поддержала меня Айсенем.

Старик был доволен. И все же, погладив бороду, заметил:

– Разве это искусство, доченька? Вот в старину эту мелодию играла Рухсар-бану, и птицы слетали с неба, садились на колок ее дутара.

– Рухсар-бану? – заинтересовала я. – Кто такая?

– Вы ничего не слышали о ней?!

Я смущенно молчал.

Старик важно кивнул головой и пригласил нас сесть.

– В славном Хорезме некогда жил непревзойденный музыкант, – начал он, взяв в горсть конец своей великолепной бороды. – Не было у него соперника в музыке, как не было и соперницы в красоте.

Известно, что тогда в Хорезмском оазисе процветало сильное государство, а Ургенч превосходил многолюдием иные города и столицы Востока. Со всего света привозили в него товары для продажи. Купцы Ургенча были самыми горластыми: они кричали на базарах так громко, что приводили в неистовство даже верблюдов.

Хорезмшах, правивший во времена Рухсар-бану, безмерно кичился своим могуществом, важничал и пыжился, как жирный индюк в пору брачных церемоний. А в сердце его постоянно гнезился страх: шах боялся потерять власть и престол.

Однажды он пригласил в свои покои визиря Мехдуны и пожаловался: Что-то в последнее время меня не радуют пиршества.

Мрачная туча о-rarity.ru повисла в моем сердце. . . Посему слушай: сегодняшнее празднество распусти пораньше. Сам останься, будет особый разговор.

– Повеление солнца Хорезма – закон для меня, – сказал визирь и, пятясь задом, вышел из покоев.

Вечером празднество началось, как всегда, весело. Позолоченные стены зала содрогались от гомона подвыпивших придворных и гостей. Самого шаха на пиру еще не было, и гуляки, пользуясь этим, цедили вино и веселились вовсю. Те, у кого на бороде

густо пробивалась седина, укрываясь в халаты, жадно следили за танцовщицами, а при случае тайком гладили их по локонам и бедрам.

Вдруг звонкий, как бурная мелодия, голос возвестил: – Властелин мира, его величество шах Хорезма идет!

Веселье мгновенно стихло. Придворные, словно стая жаворонков, слетевшаяся на гумно, с шумом покинули свои места и, склонив головы, замерли в поклоне.

Отворилась дверь с золотой цепью – вступил хорезмшах.

Он величественно проследовал к трону. Лицо шаха было сумрачным, что говорило о каких-то заботах, угнетавших властелина мира.

Хорезмшах воссел на трон, и веселье возобновилось.

Крепко задумавшись, шах все больше мрачнел и даже не слушал сладостно-пьянящую музыку, не видел красоту танцев прелестных девушек.

Заметив плохое настроение правителя, придворные и гости потихоньку исчезали. Вскоре дворец окутала мертвая тишина.

Хорезмшах и Мехдуны остались вдвоем. Тогда шах облегченно ВЗДОХНУЛ и заговорщическим тоном произнес: – В моей казне, Мехдуны, много золота, рубинов, сеоебра и кораллов, собранных на беогах полуденного моря. А мне нужны сейчас лишь два комплекта одежды каландаров. Сумеешь достать?

Визирь молча наклонил голову и ушел. Вернулся он очень быстро, неся в руках одежду нищих.

– Да простит, великий шах, мое любопытство, если я спрошу: зачем властелину мира одежда каландаров?

Шах тонко усмехнулся и объяснил Мехдуны свои намерения:

– Видишь ли, визирь, я не особенно верю твоим сыщикам. Словно бродячие собаки, рыскают они среди моих подданных, а толку мало. Я сам хочу услышать, что говорит мой народ. Подобно Гарун аль Рашиду, я желаю лично видеть, как они живут и что делают. Поэтому сегодня ночью мы с тобой превратимся в нищих и совершим прогулку – по Ургенчу. В этом городе, как тебе известно, жизнь кипит и ночью. Послушаем, о чем судачат на улицах и в пристанищах каландаров. И подобным образом выявим врагов нашего престола.

– Великий шах превзошел в мудрости самого Гарун аль Рашида! подобострастно сказал Мехдуны и, склонившись в поклоне, спрятал от шаха кривую ухмылку сомнения.

Вскоре на освещенных фонарями улицах Ургенча появились двое пеших спутников. Один был высокого роста, широкоплечий здоровый мужчина, другой же – среднего роста, худой и тонкий, качающийся под ветром, словно ветка ивы. Он казался старше первого лет на десять, но даже слепой мог бы заметить: большую власть имеет здоровый мужчина.

Путники внимательно прислушивались к разговорам людей в караван-сараях, на улицах, а если кто-нибудь обращал на них внимание, делали вид, что они просто идут своей дорогой, ничего не видя и не слыша.

(Продолжение)... >>

Перевод с туркменского А.Колпакова Mistika we fantastika